

Л. Толстой обращался съ своими исканіями и критикой къ обществу или откровенно атеистическому, или лицемѣрно и притворно христіанскому, или просто индифферентному. Этому обществу нельзя было религіозно повредить, оно было ужь совсѣмъ повреждено. А мертвенно-бытовое, внѣшне-обрядовое православіе полезно и важно было обезпокоить и взбудоражить. Л. Толстой самый послѣдовательный и самый крайній анархистъ-идеалистъ, какаго только знаетъ исторія человѣческой мысли. Опровергнуть толстовскій анархизмъ очень легко, въ этомъ анархизмѣ соединяется крайній рационализмъ съ настоящимъ безуміемъ. Но толстовскій анархическій бунтъ нуженъ былъ міру. „Христіанскій“ міръ до того изолгался въ своихъ основахъ, что явилась ирраціональная потребность въ такомъ бунтѣ. Я думаю, что именно толстовскій анархизмъ, по существу несостоятельный, — очистительнень, и значеніе его огромно. Толстовскій анархическій бунтъ обозначаетъ кризисъ историческаго христіанства, переваль въ жизни Церкви. Бунтъ этотъ предвѣщаетъ грядущее христіанское возрожденіе. И остается для насъ тайной, рационально непостижимой, почему дѣлу христіанскаго возрожденія послужилъ человѣкъ, чуждый христіанству, весь пребывающій въ стихіи ветхозавѣтной, дохристіанской. Послѣдняя судьба Толстого остается тайной, вѣдомой лишь Богу. Не намъ судить. Л. Толстой самъ отлучилъ себя отъ Церкви, и передъ этимъ фактомъ блѣднѣетъ фактъ отлученія его русскимъ Св. Синодомъ. Мы должны прямо и открыто сказать, что Л. Толстой ничего общаго не имѣетъ съ христіанскимъ сознаниемъ, что выдуманное имъ „христіанство“ ничего общаго не имѣетъ съ тѣмъ подлиннымъ христіанствомъ, для котораго въ Церкви Христовой неизмѣнно хранится образъ Христа. Но мы ничего не смѣемъ сказать о послѣдней тайнѣ его окончательныхъ отношеній къ Церкви и о томъ, что совершилось съ нимъ въ часъ смерти. По человѣчеству же мы знаемъ, что своей критикой, своими исканіями, своей жизнью Л. Толстой пробуждалъ міръ, религіозно заснувшій и омертвѣвшій. Нѣсколько поколѣній русскихъ людей прошло черезъ Толстого, росло подъ его вліяніемъ, и вліяніе это не дай Богъ отождествить съ „толстовствомъ“, — явленіемъ очень ограниченнымъ. Безъ толстовской критики и толстовскаго исканія мы были бы хуже и проснулись бы позже. Безъ Л. Толстого не сталъ бы такъ остро вопросъ о жизненномъ, а не